Der Weg zur Wissenschaft

Als ich einmal im Moskauer Bergbauinstitut war, hörte ich in der Abteilung Lehrbetrieb und in der Direktion den Namen Siebenhardt, der einem Aspiranten des Lehrstuhls für Bohr- und Schießarbeiten gehört.

Man erwähnte ihn, als wir darauf zu sprechen kamen, dass unsere Hochschulgeneration „erwachsen“ ist, dass in die Hörsäle und Labors Menschen kommen, die schon gearbeitet und ihren Beruf liebgewonnen haben.

Ich beschloss, ihn kennenzulernen, und bat ihn, unsere Redaktion aufzusuchen.

Dann kamen zwei Männer in die Redaktion. Einer von ihnen, ein energischer und bereits ergrauter Mann, war Leo Siebenhardt. Er stellte seinen Gefährten als einen seiner Kollegen Konstantin Machljagin vor: „Leiter der Nördlichen Tagebaus in Karpinsk, er wird jetzt an der Aspirantur unserer Hochschule studieren.“

Unser Bild zeigt Leo Siebenhardt (rechts) im Gespräch mit Konstantin Machljagin, dem Chef eines Tagebaus im Trust „Wachruschew-Ugol“ Foto: L. Bergolzew

Unser zwangloses Gespräch begann ohne große Vorreden. Wir unterhielten uns über viele Ding, über Studium, Arbeit, Kollegen.

„Eigentlich könnte ich kann sagen, weshalb mir der schwere Bergmannsberuf so ans Herz gewachsen ist“, sagte Siebenhardt.

Mein Vater August Siebenhardt war Chirurg, ein angesehener Professor. Er war Chefarzt eines Krankenhauses in Engels und mit den namhaften, sowjetischen Ärzten Bakulew, Burdenko und anderen gut bekannt. Ich hatte ein gutes, nachahmenswertes Vorbild, doch schlug ich einen anderen Weg ein. Ich gewann eben ein für alle Mal die Technik lieb.“

Als blutjunger Mensch war er Dreher in einer Fabrik in Engels. Er erlernte den Beruf, sammelte Erfahrungen, doch mangelte es an Wissen.

Immer öfter kam ihm der Gedanke ans Studium. Und eines Tages saß Leo im Zug, vom Komsomol zum Studium nach Moskau geschickt. Die beste Empfehlung für die Hochschule waren seine zwar geringen, jedoch wertvollen Erfahrungen eines Jungarbeiters.

Deshalb waren für ihn die Maschinen und Anlagen, die er wissbegierig an der Moskauer Hochschule auseinandernahm, nichts Neues.

Aber bald senkte sich der düstere Schatten der Kriege über unsere Erde. Eine furchtbare Gefahr bedrohte das Sowjetland.

Dem Ruf des Leninschen Rayonkomitees des Moskauer Komsomol folgend, zog Siebenhardt an der Spitze einer Komsomolzen-Baukompanie mit einem Studentenbataillon in die Hauptkampflinie. Tag und Nacht wurden im Vorgelände Moskaus Verteidigungsbauten aufgeführt.

Der Feind war in unmittelbarer Nähe. Häufig arbeiteten die Jugendlichen im Feuer seiner Geschütze und Maschinengewehre.

In einer dunklen Herbstnacht wurde Siebenhardt mit einer Beinverletzung nach hinten gebracht.

„Und so begann damals“, bemerkt Leo Siebenhardt lächelnd, „meine „Karriere“ als Bergmann.“

Mehr als 15 Jahre hat er in den Tagebauen von Karpinsk gearbeitet und den Weg vom Revierleiter bis zum Oberingenieur im Trust „Wachruschew-Ugol“ zurückgelegt.

Die praktische Arbeit, die Notwendigkeit, viele technische Fragen schnell zu entscheiden, stellte den Ingenieur immer öfter vor Aufgaben, die über den Rahmen der Täglichen Praxis hinausgingen und in den Bereich der Forschungen fielen. Da musste viel gelesen, viel durchdacht werden. Das Ergebnis war ein Buch, das er gemeinsam mit D. J. Goirodezki, heute Chefingenieur der Brennstoffverwaltung im Swerdlowsker Volkswirtschftsrat, schrieb, ein Buch über das Neue bei den Abbauarbeiten in den Tagebauen.

Besonderes Kopfzerbrechen machte ihm aber ein sehr schwieriges Problem. Wie sollte man die Leistung der Bohranlagen bei hartem Gestein erhöhen und gleichzeitig den <…> Interesse die Erprobungen neuen Bohranlage. Die Maschine fraß sich schnell im harte Gestein ein, doch war dabei keine Spur von Staub, diesen schlimmsten Feind des Bergmanns, zu sehen. Mehr noch die tiefe Bohrung war so sauber und glatt, als hätte sie ein kunstfertiger Meister mit einem Meißel angelegt. Hier erprobte Leo Siebenhardt gemeinsam mit dem Assistenten N. G. Djukow und dem Laboranten J. D. Shukow die vom ihm konstruierte Staubfananlage.

„Und was ergaben die Prüfungen?“

Diese Frage wurde Herr Machljagin kurz beantwortet: „Die Anlage ist gut.“

Unser ganzes Gespräch über Studium, Dissertation und Institut drehte sich notwendigerweise um den von Moskau so weit entfernten Tagebau im Ural, um die großartigen Meister der Kohle, die dort arbeiten. Und unwillkürlich kam mir der Gedanke: „Nein, dieser Mann wird sich nicht in seinem Studierzimmer einschließen, nicht vom Leben abkapseln. Sein Labor ist der Tagebau, seine besten Assistenten sind die Kumpel.

G. Albert

Neues Leben, Nr. 75 den 22. Oktober 1957.

Путь в науку

Однажды в дирекции Московского Горного Института я услышал имя Зибенгар, которое принадлежало аспиранту кафедры «Буро-взрывных работ».

Его поставили в пример, когда начали говорить о том, что наше поколение «выросло», что люди, увлеченные своей профессией, приходят в аудитории и лаборатории.

Я решил познакомиться с ним и попросил его посетить нашу редакцию.

В редакцию пришли двое мужчин. Один из них, энергичный и уже седой человек, был Лев Зибенгар. Он представил своего спутника, как своего коллегу Константина Махлягина: «Начальник Северного карьера в Карпинске, он будет учиться в аспирантуре нашего Института».

На фото: Лев Зибенгар (справа) во время беседы с Константином Махлягиным, начальником карьера Треста «Вахрушев-Уголь».

Фото: Л. Бергольцев

Наш неформальный разговор начался без особого предисловия. Мы говорили о многом, об учебе, работе, коллегах.

«На самом деле, я мог бы сказать, почему нелёгкая профессия горняка так мне дорога», – сказал Зибенгар.

Мой отец Август Зибенгар был хирургом, уважаемым профессором. Он был главным врачом больницы в городе Энгельс, и был хорошо известен знаменитым советским врачам Бакулеву, Бурденко и другим. У меня был хороший пример для подражания, но я пошел по другому пути. Я просто раз и навсегда полюбил технику».

Ещё очень молодым человеком, он работал токарем на заводе в Энгельсе. Там он изучил профессию, приобрел опыт, но ему не хватало знаний.

Мысль об учебе приходила к нему все чаще. И вот однажды Лев по комсомольской путёвке был направлен на учёбу в Москву. Лучшей рекомендацией для института был его небольшой, но ценный опыт молодого работника.

Вот почему механизмы и установки, которые он стремился изучить в Московском институте не были для него чем-то новым.

Но вскоре темная тень войн обрушилась на нашу землю. Советская страна была в ужасной опасности.

По призыву Ленинского районного комитета Московского комсомола Зибенгар возглавил строительный студенческий батальон на главной линии фронта. Оборонительные сооружения на окраине Москвы строились днем и ночью.

Враг был рядом. Часто молодежь работала под огнём пушек и пулеметов.

Работа Зибенгара продолжалась до тех пор, пока одной тёмной осенней ночью он не получил ранение ноги.

«Так тогда и началась моя карьера горняка» – улыбается Лев Зибенгар.

Более 15 лет он проработал в карьерах Карпинска и прошел путь от мастера до старшего инженера треста «Вахрушев-Уголь».

Необходимость быстрого решения многих технических вопросов на производстве, все чаще ставила инженеру задачи, которые выходили за рамки повседневной деятельности и попадали в сферу науки. Пришлось много читать, много обдумывать. Результатом стала книга, которую он написал вместе с Д. Я. Гойродецким, ныне главным инженером топливного управления Свердловского национального экономического совета, книга о новинках в горнодобывающей промышленности на карьерах.

Особую головную боль вызывала очень сложная проблема. Как повысить производительность буровых станков при работе в особо твёрдых породах и одновременно избежать вредного для здоровья <…> интерес к испытаниям новой буровой установки. Буровой станок быстро углубился в твердую скалу, но не было никаких признаков пыли, злейшего врага горняка. Более того, поверхность глубокой скважины была такой же чистой и гладкой, как если бы опытный мастер сделал бы её с помощью точного инструмента. Так Лев Зибенгар вместе с помощником Н. Г. Дюковым и лаборантом И. Д. Жуковым опробовал разработанную им систему пылеподавления.

«И что показали испытания?»

На этот вопрос Махлягин ответил коротко: «Система хорошая».

Весь наш разговор об учебе, диссертации и институте был обязательно о карьере на Урале, так далеко удалённым от Москвы, о прекрасных специалистах угольной разработки, которые там работают. И мысль невольно пришла ко мне: «Нет, этот человек не заперся в своем кабинете, не изолировал себя от жизни. Его место работы – открытый карьер, его лучшие помощники – его соратники».

Г. Альберт

Neues Leben, Nr. 75 den 22. Oktober 1957.